

«... Я тело в душу превращаю»,
или кое-что о русском срамословии
(Размышления в связи с выходом
«Словаря русской бранной лексики» В. М. Мокиенко)

АЛЕКСАНДР Д. ДУЛИЧЕНКО

A. D. DULIČENKO, Tartu, Ülikool 18a, EE-50090, E-mail: aleksd@admin.ut.ee

Abstract: The Dictionary by V. M. Mokienko came out in 1995. It contains historical-etimological commentaries, lexical items are illustrated solely by phraseological words. The problems of bad words semantic interpretation and their stylistic characteristics are observed.

Keywords: lexicography, Mokienko, obscene words

Взятое в кавычки выражение в заголовке статьи следует, на наш взгляд, признать выдающимся эвфемизмом (resp. эвфемистическим выражением), призванным заменить табуированную в русском языке форму 1 лица единственного числа настоящего времени от глагола, обозначаемого по-латыни *futuere*. В этом эвфемистическом выражении есть всё: грамматическая законченность (форма 1 лица единственного числа настоящего времени с объектом), семантическая прозрачность и полнота, поэтическое строение и ритм, глубокий философский смысл — переход физического в душевное, достигаемый действием, производимым глаголом *futuere*. Как свидетельствовал В. Ф. Ходасевич, автором этого выдающегося эвфемизма является А. С. Пушкин, в лирической поэзии которого он обнаружил «26 текстов, подходящих под термин *кощунство*» (Ходасевич 1924: 405). Вся эпиграмма, написанная на Фотия и графиню Орлову, звучит в публикации Ходасевича (с. 409) так:

- Внимай, что я тебе вещаю:
- Я телом евнух, муж душой.
- Но что ж ты делаешь со мной?
- *Я тело в душу превращаю.*

А. С. Пушкину же принадлежит одно из первых (если не первое!) поэтических воспеваний многозначительного и многозначашего указательного местоимения *то*, отсылающего либо к частям тела, символизирующим мужское и женское начала, либо к акту, в котором задействованы оба эти начала:

... А завтра к вере Моисея
За поцелуй твой, не робея,
Готов, еврейка, приступить —
И даже *то* тебе вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить.

(«Еврейке», 1821 — Ходасевич 1924: 406; в одном из позднейших изданий текст назван «Христос воскрес», см.: Пушкин 1985: I, 259; здесь вместо «За поцелуй *твой*...» читаем «За поцелуй *я*...»).

Ясно, что в этом контексте *то* выражает мужское начало.

Можно с известной долей уверенности сказать, что почти весь XIX век так или иначе «прятался» за эвфемизмы и метафоры при обозначении мужского и женского «объектов» и связывающего их действия, что мы выразили бы здесь «латинской формулой» типа *penis + vulva → futuere*.

NB: В дальнейшем для этих латинских слов будем использовать русские соответствия, но только их начальные буквы, т.е. *X, П, E*, добавляя к ним лишь словоизменительные или словообразовательные аффиксы, например, род. пад. *Хя, Пы*, времени *Еем* (3 лицо ед. числа настоящего времени), *Ел* (ед. ч. прошедшего времени) и под.

Впрочем, «нарушения» традиции всё же были: в России во второй половине XIX в., например, А. Н. Афанасьевым собраны «Русские заветные сказки», В. И. Далем — «непристойные» пословицы и поговорки, у сербов В. С. Караджич собрал подобное «афанасьевским сказкам», но не опубликовал и т.д. Но вот другой пример. В самом конце XIX в. Рихард Шмидт, переведший с санскрита на немецкий знаменитую «Камасутру», жалуется в предисловии к книге, что отдельные части этого трактата просто «непереводимы» на немецкий язык, поэтому он ищет иной путь — и находит его, переводя с санскрита ... на латинский! (*Vātsyāyana* 1897: 97 и далее, 170 и далее и т.д.). Латинский язык, таким образом, «спасает» мораль и дух времени!..

В XX в. традиционные запреты, о которых идет речь, сняты, можно сказать, окончательно. Кажется, эта раскованность ознаменована была изданием в начале века уникального «Ежегодника по собиранию и исследованию фольклора об истории развития половой морали» — «*Anthropophyteia*» (1904–1913), в котором фольклорные произведения многих европейских народов представлены без купюр и без эвфемистических интервенций, а также появлением теоретических работ вроде капитального исследования Ханса Шпербера о влиянии сексуальных моментов на возникновение и развитие языка (Sperber 1912: оттиск без пагинации). Во многих странах появляются собрания «непристойных» слов и выражений, причем разного объема, уровня профессиональной обработки и понимания материала. Если сузить обзорный экскурс в историю вопроса и обратиться лишь к отечественной традиции, то мы по существу сразу же окажемся в конце XX в., так как в Советском Союзе, особенно после второй мировой войны, лексическая и, шире, культурно-языковая сфера, о которой мы говорим, по существу не изучалась, а материал систематически не собирался. (Лишь за пределами страны время от времени появлялись «срамословные» собрания, о которых, к сожалению, мы знали мало или попросту не знали ничего). Работы теоретического плана были скорее исключением, да и то печатались они за рубежом (к счастью, по-русски) — см.: Успенский 1983: 33–69; 1987: 37–76; Толстой 1985: 431–437. Лишь последнее десятилетие демонстрирует нам по существу полную раскованность в этом вопросе.

Сейчас очень активно составляют списки и словари «непристойной» лексики, причем ознакомиться с ними невероятно трудно, так как выходят «непристойные словари» в большинстве случаев в частных издательствах, нередко с чисто коммерческими целями, нередко без представления библиотекам обязательного экземпляра. Сошлемся на выход в последнее время такого словаря, как «Русская заветная идиоматика», в котором 6 «непристойных» слов даются в контексте «крылатых выражений» (Баранов, Добровольский 1995). К сожалению, большинство изданных словарей не отличается оригинальностью и профессиональной продуманностью. Даже там, где составители заявляют о своей филологической подготовке, уровень их творений специалиста нередко не радует — см., например, «Русский мат» Т. В. Ахметовой (Ахметова 1996) и др. В этом отношении выгодно отличается от многих вышедших «браних» (или «срамословных») собраний «Словарь русской бранной лексики» профессора Санкт-Петербургского университета Валерия Михайловича Мокиенко, содержащий, кстати, довольно богатый список литературы вопроса, в том числе и неупомянутые нами здесь словари и теоретические работы (Мокиенко 1995).

В. М. Мокиенко, один из виднейших славистов России, принадлежит к среднему поколению, сформировавшемуся в русле лингвистических и славистических идей академика Н. И. Толстого. Будучи богемистом по своей основной специальности, он стал славистом в широком смысле этого слова, так как занимается не только вопросами чешского, но и других славянских языков. Он автор широко известных исследований в области славянской лексикологии, лексикографии и фразеологии, его интересы простираются на многие другие области славистики. Публикации по «бранной» лексике и фразеологии В. М. Мокиенко стали появляться с 90-х годов — назовем некоторые из них: «Русская бранная лексика как объект лингвострановедения», «Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное», «Субстандартная фразеология русского языка...» и др. (соответственно Мокиенко 1994а: 153–155; Мокиенко 1994b: 50–73; Мокиенко 1994с: 53–75). И вот — словарь, о котором сразу же нужно сказать, что он исполнен профессионально, в полном соответствии с принятыми на сегодняшний день лексикографическими принципами, а такое в «бранной лексикографии» пока, к сожалению, большая редкость. Реестровое слово подается с необходимыми грамматическими признаками, после чего следует указание на жанрово-стилистические или территориальные особенности, затем емкое толкование значения и, наконец, иллюстрации примерами. Кстати, о последних. Спецификой словаря является то, что приводимые единицы иллюстрируются *устойчивыми словесными комплексами* (resp. *конструкциями*) — фразеологизмами разных типов, пословицами и поговорками; свободные словосочетания и предложения как иллюстрации в данном варианте словаря не используются. Сказанное дает основание уточнить жанр труда проф. В. М. Мокиенко: это не просто

лексический, но лексико-фразеологический словарь (фразеологический в широком смысле), причем лексическая часть выступает в качестве реестровой, а фразеологическая — в качестве иллюстративной. Реализация такого подхода позволяет видеть в труде В. М. Мокиенко новаторский момент, который достоин внимания и распространения. В то же время это создает определенные трудности, поскольку не всегда удается найти конструкции, подходящие в качестве иллюстративного материала. Так, на с. 9 значение слова *булда* (*бульда*) представлено таким образом: «1. Мужской половой член, **балда**. 2. Педерастия. 3. Акт мужеложства. 4. Восторг, глупость. 5. Ложный слух, сплетня». В таких случаях приходится верить на слово составителю словаря. (Здесь, правда, исключением является первое значение, которое трактуется также с помощью жирно выделенного варианта **балда**, чем как бы делается отсылка к нему, имеющему иллюстрации!). Еще пример: «*Блядский, ая, ое. Неценз. презр.* 1. Свойственный проституткам, присущий блядам. 2. Приносящий неприятности, огорчения, вредящий кому-, чему-л.» (с. 7). В связи с метаязыком описания (или толкования) реестровых слов встает и вопрос: можно ли применять в нем «непристойные» элементы, как в первом значении последнего примера, т.е. «...присущий блядам»? Сравним также статью «Бабушка» (с. 3): «**[Еи] тебя (вас, их и т.п.) в бабушку, прабабушку, Христа-Спасителя! Неценз. бранно.** Короткая многоэтажная (!) брань». *Многоэтажная* — скорее жаргонное образование, чем элемент специального (да и нейтрального) языка. Или статья «**Еака**» (с. 26): «*Неценз.* 1. Совершающий половое сношение человек, тот, кто **Еет, Ёарь**». Хотя «непристойные» слова выделены жирным шрифтом (этим как бы читатель отсылается к соответствующим статьям), все же они вплетены в язык описания для толкования значения и, таким образом, принадлежат составителю.

С толкованием слов, квалифицируемых составителем как «бренные», возникают и некоторые проблемы, на которые следовало бы, по нашему мнению, обратить внимание при дальнейшей работе над расширением словаря. Действительно, как быть с первичными (и вообще «небранными») значениями общеизвестных слов — подавать ли их систематически, без исключений, или же ограничиться подачей только вторичной, «бранной», семантики? Статья «**Хрен**» (с. 120–121), например, начинается следующим образом: «1. Растение с длинным и жестким корнем, содержащим едкое эфирное масло; употребляется как острая приправа к пище». Далее же следуют «бренные» значения: «2. *Грубо-прост. эвфем.* Мужской половой орган. 3. *Грубо-прост. презр. или бранно.* Неавторитетный, не пользующийся уважением человек...» Т. е. содержательная структура этой статьи отражает схему: первичное значение > вторичные значения. Но вот другой пример статьи «**Пес**» (с. 74): «1. *Прост. бранно.* Человек, готовый на любые низкие поступки, мерзкие дела. 2. *Жарг.* Вахтер, сторож...». И до конца подаются только вторичные значения. И хотя читатель (особенно русский) может

догадаться о связи между первичным и вторичными значениями, но здесь всё же важна позиция именно составителя. К семантическим проблемам мы еще вернемся.

Несомненным достоинством словаря являются этимологические объяснения, в некоторых случаях доходящие до этимологического или же историко-культурного этюда — срав., например, статьи «**Мать**» (с. 54–57), «**Рог**» (с. 89), «**Фиг/Фик**» (с. 112) и др. Такой подход следует всячески приветствовать, так как словари подобного рода должны опираться на широкий культурный, мифологический, фольклорный, исторический, литературный и прочий материал. Таким подходом, как нам кажется, В. М. Мокиенко солидаризируется с направлением этнолингвистического исследования, теоретически обоснованного в русском языковедении и славистике Н. И. Толстым и реализованного в его издаваемом энциклопедическом труде — этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (Толстой, ред., 1996). Также важно было бы в этой связи, чтобы языковой источник того или иного заимствованного «бранного» слова приводился последовательно, а не избирательно, срав.: «**Бэк**. *Жарг.* Заднее место, задница < Из *англ.* back — задница» (с. 9), но: «**Абрунгери**, *сов.* [?] *Жарг.* Лишить девственности» (с. 1). И т.д. Что касается территориального маркирования единиц, то без них, вероятно, в таком труде не обойтись, хотя слово, помеченное как просто *диалектное* (= *диал.*), мало что дает читателю. К тому же здесь встает принципиально важный вопрос: чем и как отличить социально маркированную единицу — жаргонизм, возникающий и использующийся в ограниченных рамках какой-либо социолемы, от территориальной (resp. диалектной) единицы, которая также возникает и используется в ограниченном пространстве и сообществе? Это вопрос, вырастающий в серьезную проблему типологии социальных и территориальных ситуаций, в которых «проигрываются» специфические для них языковые единицы. Установить параметры таких единиц с точки зрения «их» ситуаций — важная теоретическая задача, которая требует специальной разработки.

Имея дело с некодифицированной лексикой и фразеологией, составитель словаря «бранной» лексики сталкивается также с рядом грамматических проблем. Одна из них связана с редким случаем манифестации в речи единственной формы (иногда — нескольких) и именно в составе устойчивых синтаксических структур, хотя теоретически от таких слов возможны все формы. Что имеется в виду? Это случаи типа «**распроЁб твою (вашу, его и проч.) Бога душу мать**» (с. 88), где глагольная форма выступает как единственная именно в таком виде и только в этой устойчивой структуре, а потому образовывать от нее инфинитив *распроЕть* нет достаточных оснований (то же самое в случае с *распронаЕи*). Кажется, это идет как бы против грамматических (морфологических) правил, однако это все же объективная языковая реальность...

*

Подробнее остановимся еще на двух проблемах, которые как бы исподволь выступают при чтении этого интереснейшего труда. Одна из них касается семантической интерпретации «бранных» слов, вторая связана с составом словарей подобного рода, именовани­ем (resp. номинацией) и определением входящих в них лексических классов.

Проблема первая

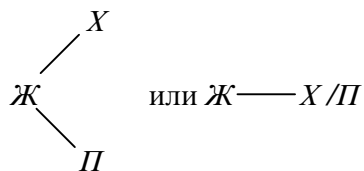
Как известно, перенос наименований с одного предмета или действия на другие вызван ассоциативным характером человеческого мышления. Если говорить об ассоциативных свойствах частей тела (resp. органов), то они проявляются неравномерно и порождают неодинаковое число ассоциаций. Есть части тела (обратимся только к внешним), по отношению к которым ассоциативная деятельность человеческого разума проявляется минимально, срав., например, *спина*, *бедро*, *палец* (в последнем случае, вероятно, по той причине, что эта часть тела рассматривается как органический компонент *рук* и *ног*). В то же время некоторые другие части тела вызывают у человека самые разные ассоциации, выражающиеся словами и словосочетаниями, которые исчисляются порою десятками и даже сотнями. Можно предположить, что это прежде всего *активные в движении и в контакте части*, функции которых проявляются регулярно (ежечасно, ежедневно, еженедельно и т.д. на протяжении всей жизни человека), требуя при этом определенных физических усилий. Нетрудно догадаться, что речь идет по крайней мере о двух группах частей тела, располагающихся полярно — соответственно в верхнем и нижнем, если так можно выразиться, ярусах человеческого тела:

а) в верхнем это *рот* (функция «едения» и говорения), *нос* (функция дыхания и дополнительно говорения), *глаза* (функция смотрения), *уши* (функция слушания), в совокупности с неназванными являющиеся частью целого, которое именуется *голова*;

б) в нижнем это *Ж* (эксреторная функция), *Х* и *П* (моче-половая функция) и, естественно, *ноги* (функция держания и ходьбы).

У нас нет просчитанных данных о том, в каком количественном соотношении находятся вызываемые ассоциативной работой человеческого разума метафоры — лексические заменители и заменители-словосочетания названных частей верхнего яруса по отношению к частям нижнего яруса. Однако бытовой и культурно-языковой опыт подсказывает, что лексические и словосочетаемые (в значении «имеющие форму словосочетания») заменители названных частей тела нижнего яруса, а именно те, которые связаны с эксреторной и моче-половой функциями везде, по крайней мере, в языках европейского этно-культурного ареала, значительно преобладают. Таким образом, ассоциативный механизм человеческого разума наибольшую продуктивность имеет в нижнем ярусе («ниже пояса», но «выше ног»), где заднему

объекту противопоставлен передний, выступающий, в свою очередь, в двух вариантах — мужском и женском, т.е.:

Одна из причин ассоциативно-лексической и словосочетаемостной активности именно этих частей нижнего яруса заключается в традиционной для большинства культур табуированности самих частей и их функций

а) в плане их обязательного сокрытия от посторонних глаз, а также содержания и пользования (resp. проявления) в, так сказать, индивидуально ограниченном пространстве;

б) в плане их называния в обществе, т.е. прилюдного произнесения (или написания).

Русский философ Василий Розанов в этой связи заметил: «Все *очерчено* и *окончено* в человеке, кроме половых органов, которые кажутся около остального каким-то многоточием и неясностью..., которую встречает и с которой связывается неясность или многоточие другого организма. И тогда — оба ясны» (Русский Эрос 1991: 141). Срав. также высказывание Николая Бердяева: «В поле человек чувствует что-то стыдное и унижающее человеческое достоинство. Человек всегда тут что-то скрывает. Он никогда не скрывает любви-жалости, но склонен скрывать любовь сексуальную. В самом сексуальном акте есть что-то уродливое...» (Русский Эрос 1991: 266). Тайна, как известно, более всего будоражит воображение... Кроме того, следует заметить, что человеческое тело не содержит ненужных органов, однако рассматриваемые нами здесь объекты нижнего яруса могут быть квалифицируемы как крайне важные для жизнедеятельности человека: *Ж*, *Х* и *П* выполняют экскреторную функцию, а *Х* и *П* к тому же и функцию продолжения рода. В верхнем ярусе тела по важности с ними может сравниться разве что *рот* (даже при дефектности *носа* человек может в конце концов пользоваться для дыхания *ртом*). Эти особенности также работают на невероятно высокую ассоциативную активность, вызываемую указанными частями тела и проявляющуюся в языке.

В словаре В. М. Мокиенко около 100 лексических заменителей «бранного» слова *Х*. Попавшие сюда единицы представляют собой в основном наиболее известные заменители-метафоры. Ясно, что это далеко не полный состав. Для сравнения: в большем по объему словаре Эрнеста Борнемана «Секс в устах народа. Повседневный сексуальный язык немецкого народа» (Borneman 1984), по подсчетам В. Куммера, произведенным по тезаурусной части книги (пункт 1.73; книга без пагинации!), для *Х* «обнаружено» 869 единиц, в основном лексических,

к которым добавляются также и единицы большей протяженности, т.е. словосочетания. Это абсолютный рекорд «в устах немецкого народа», если иметь в виду, что для *П* в словаре приведено 708 единиц, а для *Еть* — 622 (Kummer 1994: 163). В словаре Мокиенко, однако, количественный перевес за глаголом *Еть* (по нашим подсчетам, около 150 единиц). Если бы эти лексикографические труды были приблизительноного или одинакового объема, то можно было бы говорить о своего рода «глагольной ментальности» русских и «субстантивной ментальности» немцев в этой сфере, имея в виду ассоциативно-лексические (и шире — ассоциативно-словосочетаемые) заменители-метафоры для *Х* и *П* и связываемое с ними действие по глаголу *Еть*. Однако такое заключение пока на уровне непроверенной гипотезы. Проницательный исследователь, однако, заметит, что сравнительно-типологическое изучение ассоциативных единиц в разных языках и культурах, единиц, призванных служить заменителями названий частей нижнего яруса человеческого тела, может пролить свет не только на «возникновение и развитие языка», чем плодотворно в начале века занимался Х. Шпербер (см. выше), но и поможет понять внутреннее состояние и эволюцию формальных и семантических потенциалов языка, по-разному манифестирующихся в различных этно-культурных средах.

Факт колоссальной по объему и количеству метафоризации рассматриваемых частей нижнего яруса человеческого тела ставит перед составителем словаря и вообще любым исследователем ряд теоретически важных вопросов, затрагивающих проблемы семантической трактовки лексических заменителей и заменителей-словосочетаний, а также структуризации семантики в целом. Действительно, достаточно ли, например, для всех 100 заменителей слова *Х* общего толкования в виде ‘мужской половой орган’ (или ‘мужской половой член’, ‘мужской член’)? Раскрывает ли такое толкование причины ассоциативного механизма, управляющего процессом метафоризации и порождающего тем самым такое огромное число формально-семантических переносов? Очевидно, что нет. Метафора (или эвфемизм?) *болт* это 1) *стержень*, 2) *продолговатый*, 3) *с головкой* (все три параметра характеризуют по признаку формы и *Х* как часть тела, как предмет), который *вбивают* (или *вводят*) *во что-то* (один из функциональных параметров *Хя*). Выразительность метафоре *болт* придает также параметр крепости этого предмета, сделанного из металла, — намек на мощь, заключенную в эрегированном *Хе*. Эти 5 параметров, характеризующие (хотя и неполно) *Х*, ассоциативным сознанием русского человека были обнаружены в *болте* и послужили основанием для метафоризации *Хя* в направлении этого слова. Правда, здесь не учтен еще один существенный параметр — *размер*. Встречаются, однако, случаи, когда этот параметр имплицитно выражается в лексических заменителях, срав. *дышло*, *оглобля* и под. В целом же следует сказать, что при метафоризации *Хя*, как, впрочем, и других частей тела и предметов, состав параметров может

варьировать, т.е. в одних случаях выделяются такие, которых нет в других случаях или же они не считаются здесь существенными. Для того чтобы проиллюстрировать это положение, мы выписали из словаря все лексические заменители *Хя*, включенные в словарь по признаку похожести формы. В качестве таковых выступают неживые *предметы* (названия растений, животных, таким образом, не учитываются). В качестве параметров выделим *признаки* привлекаемого предмета, *функции* и дадим специальное указание на *размер*:

слово-замена	предмет	признак	функция	размер
<i>балда/бул(ь)да</i>	молот пишка стержень	тяжелый	вбивается бьет	большой
<i>балдометр</i>	«молот»	длинный	вбивается «измеряет»	большой длинный
<i>болт</i>	стержень	продолговатый с головкой металлическ.	вводится	
<i>бук</i>	поплавок	продолговат.	плавает качается	
<i>вентиль</i>	клапан	для жидкости металлический	закрывает/ открывает	
<i>движок</i>	двигатель	небольшой переносной металлический	двигает(ся)	
<i>дуло</i>	ствол орудия	прямое металлическое	«стреляет»	
<i>дышло</i>	оглобля	длинная деревянная		длинный
<i>игла</i>	стержень	тонкая с ушком метал- лическая	протыкает проходит	
<i>кляп</i>	кусочек дерева		всовывают (в рот, в отверстие)	
<i>кол</i>	палка жердь	заостренная в конце де- ревянная	вонзают	большой
<i>колбаса</i>	фарш	мясной продолговатый	едят жуют	длинный
<i>коряга</i>	кусочек/ствол дерева	сухая деревянная суковатая		большой
<i>кран</i>	трубка	с затвором металлическ.	для слива жидкости	
<i>крюк, -чок</i>	стержень	с загнутым концом	двигаясь, достает	
<i>мотовило</i>	приспосо- бление	для сматывания ч.-л.	мотает, двигается определенным образом	большой длинный
<i>мундштук</i>	часть трубки	табачный музыкальный	берется в рот	
<i>нож</i>	инструмент из ручки и лезвия дере- вянная ме- таллическая	режет протыкает		

слово-замена	предмет	признак	функция	размер
<i>оглобля</i>	жердь	длинная деревянная	«стоит» держит	большой длинный
<i>паяльник</i>	аппарат для паяния металла	соединяет (части)		
<i>пистолет</i>	оружие	ручное металлическое	стреляет	
<i>прибор</i>	аппарат	металлический	измеряет управляет	
<i>смычок</i>	трость	для трепания шерсти музыкальный	треплет двигает трет	
<i>трубка</i>	трубка	небольшого размера	переливает	
<i>шампур</i>	стержень	тонкий металлический	для жарения	
<i>штуцер</i>	отрезок трубы	для соединения труб	соединяет	

Из приведенной матрицы видно, что параметры или признаки предметов, привлеченных ассоциациями для обозначения (resp. замены) *Хя*, весьма разнообразны и пестры. Параметры формы включают в себя такие показатели, как *длина* или *продолговатость*, с чем связан также размер (*болт*, *дышло*, *оглобля* и т.д.), *оформленность* тем или иным образом конца предмета (*болт* — с головкой, *игла* — с ушком, *кол* — заостренный, *крюк*, *-чок* — с загнутым концом и т.д.), параметр *крепости* и *весомости* (*балда* — тяжелый [молот] и металлический, то же *балдометр*, *коряга* — сухая, суковатая, деревянная и под.) и некоторые др.

Что касается функций, то представленные в матрице предметы-аналоги *Хя*

1) *вбивают, бьют, вводят, закрывают (вводя) – открывают (выводя), стреляют, протыкают, проходят, проникают, всовывают, вонзают, режут* (т.е. $X \rightarrow П$);

2) *двигаются/движутся, мотают, треплют, трут*;

3) *стоят, вытирают*, а также *болтаются, висят*;

4) *вливают, переливают, стреляют* (т.е. $X \rightarrow C[\text{перма}] \rightarrow П$);

5) *соединяют* ($X + П$);

6) *плавают, качаются* и под.

Всё это в совокупности следует рассматривать, как функциональную валентность, формируемую действиями *Хя*, т.е. это по существу не что иное, как *функциональное поле Хя*.

В свете сказанного становится ясно, что метафорические единицы, замещающие слово *Х*, обладают весьма прозрачными свойствами (resp. параметрами) последнего, и эти свойства должны быть отражены в семантической части статьи, что поможет объяснить мотивировку выбора именно такого заменителя-предмета и соответствующего ему сло-

ва. Это могло бы выглядеть так: кол = палка, жердь, заостренная в конце, вонзается во что-то, большая. Или: оглобля = жердь, деревянная, «стоит» (горизонтально), длинная и под. После этого идет дальнейшая необходимая информация.

Немало проблем в области семантической интерпретации возникает и в связи с глаголом *Еть*. Большинство заменителей этого глагола, представленных в словаре Мокиенко, являются префиксальными, причем нередко один и тот же глагол оформляется различными префиксами, срав.: *Еть* — *отъЕть*, *поЕться*, *разъЕть* — *разъЕывать*; *дрюкать/дрючить(ся)* — *вздрючить*, *задрючить*, *отдрючить*, *продрючить*; *драть* — *выдрать*, *отодрать* и под. Каждое из приведенных образований, наделенное собственным префиксом, разумеется, должно обладать и собственным функционально-семантическим оттенком, что, однако, не всегда легко определить и дифференцировать. Из приведенных выше примеров первый ряд характеризуется в словаре, как ‘совершить половое сношение с кем-л.’, с добавлением для *Еть* также ‘выполнить роль активного полового партнера’ (с. 26), а для *разъЕть* — *разъЕывать* — ‘совершить интенсивный половой акт’ (с. 87–88); эта же сема характеризует и компоненты второго ряда, за исключением *задрючить*, которое представлено, как ‘интенсивно совокупляться с кем-л.’, при этом здесь меняются пометы: *вздрючить* квалифицируется как *жарг.*, *задрючить* — как *прост. эвфем.*, остальные — как *вульг.-прост.* Что касается компонентов третьего ряда, то все они объяснены той самой общей семой, что и большинство компонентов предыдущих рядов. Проблема возникает и с *возвратно-невозвратными глагольными формами*. Так, *пороть* и *пороться*, *трахать* и *трахаться* и многие другие толкуются одним значением — ‘совершать с кем-л. половой акт’ (вариант ‘совершить половое сношение с кем-л.’). Между тем различия между невозвратными и возвратными формами имеются, и составитель словаря это ощущает, срав. определение глаголов *Еть*, как «совершать половое сношение с кем-л.; выполнять роль активного полового партнера» и *Еться*, как ‘совершать, иметь половые сношения’. Несомненно, в невозвратных формах представлен активный источник действия, которому соответствует местоименный коррелят *он* (*он Еёт*), в возвратных же формах синтезированы и активный источник действия с коррелятом *он* (*он Еётся*, что равно *он Еёт*, *он порется*, т. е. *он порет*), и совместное действие, имеющее коррелят *они* (срав. *они Еутся*, *они порятся*). Кажется, в этой последней особенности заключается функционально-семантическая специфика возвратных форм глагольных заменителей *Еться*, которая наводит на серьезные размышления по известной проблеме о соотношении признаков возвратности-невозвратности русского глагола вообще.

Как видим, возникающие здесь семантические трудности ожидают дальнейшей теоретической разработки. Одно из направлений исследования в этом плане заключается в выявлении функционально-семан-

тических параметров глагольного заменителя, что должно сопровождаться указанием на дополнительные нюансы и уточнения. Абсолютное большинство рассматриваемых глагольных метафор вызывает в сознании русского человека четкое представление о направлении действия, вызванного контактом между *Хем* и *Пой*, иногда с вовлечением в это действие и *Сы*. Мы попытались смоделировать анализируемый нами материал (исключив по большей части приставочные образования), в результате чего получили следующую картину ($T = \text{тело}$):

глагол-заменитель	значение (с уточнениями в скобках)	направление действия
<i>впрыснуть</i>	ввести (жидкость)	$X \rightarrow C \rightarrow П$
<i>всадить</i>	вонзить (что-л. остроконечное во что-л. [так что трудно вынуть]), воткнуть	$X \rightarrow П$
<i>вставить</i>	вделать поместить	$X \rightarrow П$
<i>дергать</i>	тянуть (рывками) вытаскивать	$X \leftarrow \rightarrow П$
<i>долбать(ся)</i>	делать углубление (ударами)	$X \rightarrow П$
<i>дрыгать/ дрючить(ся)</i>	бить, колотить (палкой)	$X \rightarrow П$
<i>дуплиться</i>	проникать в дупло, устраиваясь там, делать углубление	$X \rightarrow П$
<i>дырять</i>	делать дыру	$X \rightarrow П$
<i>завинтить/ завинчивать</i>	достичь нужного положения (углубляясь, вращением)	$X \rightarrow П$
<i>заклепать</i>	ударяя, вбить	$X \rightarrow П$
<i>законопатить</i>	плотно закрыть (щель, дыру)	$X \rightarrow П$
<i>заправить</i>	засунуть, заложить	$X \rightarrow П$
<i>запрессовать</i>	соединить в одно	$X \rightarrow П/Х + П$
<i>запускать</i>	сунуть, погрузить (что-л. внутрь чего-л.)	$X \rightarrow П$
<i>затапывать</i>	топча, вводить (во что-л.)	$X \rightarrow П$
<i>качать</i>	приводить в ритмическое движение (сверху вниз, из стороны в сторону)	$T/Х \rightarrow T/П$
<i>ломать</i>	добывать, разламывая (каким-л. орудием)	$X \rightarrow П$
<i>мешать</i>	размешивать (при помощи чего-л.), соединять в одно (что-л. разнородное)	$T/Х \rightarrow T/П$
<i>мять</i>	жать, тискать	$T/Х \rightarrow T/П$
<i>налить</i>	наполнить что-л. (вливая что-то)	$X \rightarrow C \rightarrow П$
<i>напялить, -вать</i>	надеть что-л. (на что-л.) натягивать что-л. (на себя)	$X \leftarrow П$
<i>натянуть</i>	потянуть (на себя), надеть что-л.	$X \leftarrow П$
<i>оттягивать/оттянуть</i>	потянув, отодвинуть (назад, в сторону)	$X \leftarrow \rightarrow П$
<i>пихать</i>	толкать, засовывать (что-л. куда-л., во что-л.)	$X \rightarrow П$
<i>пороть/ поронуть</i>	проткнуть (что-л. чем-л.)	$X \rightarrow П$
<i>пуднить(ся)/пудять(ся)</i>	бросать (что-л. в кого-л.)	$X \rightarrow П$

глагол-заменитель	значение (с уточнениями в скобках)	направление действия
<i>пырнуть/пырять (ся)</i>	ударить (чем-л. остроконечным)	$X \rightarrow П$
<i>сунуть</i>	вдвинуть (что-л. внутрь чего-л.), толкнуть, пихнуть	$X \rightarrow П$
<i>тягать</i>	доставать (что-л. из чего-л.), вытягивать	$X \leftarrow П$
<i>толкать</i>	толчком двигать (что-л. в каком-л. направлении)	$X \rightarrow П$

Русский менталитет отражает здесь физиологическую закономерность, т.е. активный, двигательный характер $Xя$ и пассивный — $Пы$. При этом глагольными метафорами делается упор именно на действиях $Xя$, иногда с ассоциациями также и на T (тип *качать, мять*), о чем свидетельствует преимущественное большинство отраженных в словаре единиц. Формула $X \leftarrow П$ встречается реже (тип *натянуть*), как редка и формула $X \rightarrow C \rightarrow П$ (тип *впрыснуть*). Немало случаев, когда глагольные заменители не дают достаточных оснований для четкого выделения субъекта и объекта действия (т.е. модель $T/X \rightarrow T/П$), срав.:

<i>вздрючить</i>	побить (сильно)
<i>врезать</i>	ударить (сильно)
<i>въехать</i>	едучи, попасть (внутри), взобраться на что-л.
<i>драть</i>	тереть (изо всех сил)
<i>дуть</i>	делать (без передышки, с азартом)
<i>отжарить</i>	сделать (что-то быстро, ловко)
<i>отдрать</i>	побить кого-либо (и достичь своего)
<i>плыть</i>	двигаться, качаясь (плавно)
<i>состыковаться</i>	соединиться (встык)
<i>спариться</i>	соединиться (воедино)
<i>трахать (ся)</i>	ударять(ся) (с особой силой)
<i>тарабанить</i>	стучать (прерывисто, двигаясь вверх-вниз)

Проведенное здесь моделирование с выделением сем и характера направления действий проведено на основе Малого академического словаря русского языка (см.: СРЯ, I–IV, 1981–1984).

Историко-этимологический подход дает возможность увидеть, какие функционально-семантические импульсы «толкали» тот или иной глагол к замене центрального для нашей темы глагола *Еть*. Опираясь на «Словарь русского языка XI–XVII вв.», посмотрим, как проявлялись эти импульсы (resp. семы, так или иначе связанные с глаголом *Еть*).

Так, указанный словарь для глагола *пихати (пехати)* (вып. 15, с. 63) дает следующие значения:

1. Пихая, толкая, сбрасывать
2. Толчками перемещать в каком-л. направлении или сверху вниз
3. *Перен.* Побуждать к каким-л. решительным действиям; губить.

пихнути/пехнути:

1. толкнуть, пихнуть
2. Толчками переместить в каком-л. направлении или сверху вниз

«Словарь русского языка» (т. III, с. 128) выделяет такие значения у глагола *тихать*:

1. Отстранять, толкая, толкать
2. Торопливо засовывать что-л. куда-л.
- тихаться*: 3. Пихать кого-л. или друг друга
4. Отталкиваться, упираясь во что-л.
5. *страд.* к *тихать*

У глагола *тихати* (*пехати*) первые три значения послужили основанием для формирования у него нового переносного значения в смысле *Еть*. Современный глагол *тихать(ся)* аккумулировал в себе все нюансы, так или иначе отражающиеся в действии, обозначаемом глаголом *Еть*. Функционально-семантический спектр этого глагола является надежной основой новой переносной семантики. Еще пример. Глагол *мяти* (вып. 9, с. 351–352) выступает со значениями:

1. Мять, разминать; обрабатывать с целью размягчения
2. Месить (глину)
3. Сминать; вытаптывать
4. Сжимать, тискать
5. Притеснять

По существу все исторические значения этого глагола создали благоприятный фон и основу для формирования у него нового значения 'Еть'. В современном словаре (т. II, с. 321) этот фон заметно сузился, однако не утратился совсем:

1. Давить, сжимать, делая мягким, размягчая
2. (*сов.* измять и смять). Делать неровным, негладким, прикасаясь...
3. *разг.* Жать, тискать

В некоторых случаях лишь обращение к истории языка дает возможность создать более точное представление о том, какие действовали импульсы, толкнувшие тот или иной глагол к метафорическому значению, близкому или идентичному глаголу *Еть*. Так, современный глагол *парить* (т. III, с. 23) выступает со следующими значениями:

1. Варить при помощи пара в закрытой посуде
2. (*сов.* выпарить) *перех.* Подвергать действию пара, кипятка с целью очищения, размягчения и под.
3. (*сов.* выпарить) *перех. Разг.* Мыть в бане с паром, хлеща веником
4. *обычно безл.* Обдавать зноем, жаром
5. Выделять пар, тепло, влагу

Из представленной здесь семантической структуры глагола *парить* вырисовывается, конечно, нюанс «делать организм распаренным как после бани» — что соответствует состоянию при реализации действия, выраженного глаголом *Еть*. Однако исторический словарь подсказывает нам и нечто новое, срав. *парити* (вып. 14, с. 153–154):

1. Подвергать действию жара во влажной среде, парить
2. Прогреть (с лечебной целью) теплой водой, горячим влажным воздухом, наложением припарок

3. Кипятком выводить запах из деревянной или глиняной посуды, очищать ее
4. Ошпаривать
5. Сидеть на яйцах, высиживать (птенцов)
6. Восстанавливать плодородие, улучшать качество почвы внесением удобрений и перепахиванием, оставляя для этого поле незасеянным на один вегетационный период

Здесь для нас важно 5-е значение (а также 6-е), ближе всего связанное с анализируемым значением и забытое в современном языке.

В отдельных случаях понять мотивы метафоризации в рассматриваемом нами направлении того или иного глагола можно лишь этимологизированием, срав. *барать(ся)*, который зафиксировал в XIX в. И. И. Срезневский со значением 'сражаться' (Срезневский 1893: 42). Обращение к другим славянским языкам проясняет общую картину семантики этого глагола (ЭССЯ –1 1974: 158–159), срав.: *barati – болг. *барам* 'трогать, касаться', макед. *бара* 'искать', 'просить, требовать', 'рыться, шарить', 'трогать, касаться, щупать'; словац. *bárat* 'ломать, пронзать'; предполагается, что *barati — это итератив к **borti/boriti* > *barati с ослаблением исходного значения 'проникать, искать' > 'трогать, щупать', 'рыться'... В этом свете русск. *барать(ся)*, вероятно, сохраняло какое-то время значения типа «проникать, щупать, рыться», о чем свидетельствует нынешнее значение этого глагола «Еться».

Сказанное относительно функционально-семантических параметров глаголов, ставших метафорой-эвфемизмом для *Еть*, подтверждает мысль о необходимости семантической интерпретации слов именно с учетом тех параметров, которые вели в конечном счете к метафоризации.

Завершая о глаголе *Еть* и его метафорах, хотим заметить, что, по данным анализируемого словаря, глагольные формы несовершенного вида по числу здесь уступают (хотя и не так значительно) глаголам совершенного вида (примерно 67:80), что говорит о присутствии в сознании русского человека на первом месте представлений о важности достижения результата анализируемого действия, нежели о его неконкретном протекании. Впрочем, это очень предварительный прогноз, который может быть существенно скорректированным при создании «полного банка» заменителей глагола *Еть*.

Проблема вторая

Коснемся также вопроса о том, какие слова следует считать «бранными» и, следовательно, какие категории слов могут входить в «бранимый словарь». Это весьма важный вопрос, неоднозначно трактуемый современной лексикографией.

«Словарь русской бранной лексики» В. М. Мокиенко, как указано в предисловии, включает «свыше 4 000 единиц» (с. VII), которые квалифицируются как «бранимые» или, по терминологии составителя, также

«матизмы», «обсценизмы» с их смягченными заменителями-эвфемизмами. Однако при внимательном чтении оказывается, что включенная в словарь лексика шире, выходит за «бранные границы», т.е. за «матизмы» и «обсценизмы». Если обратиться к стилистическим пометам, то здесь мы находим, помимо *бранн.* и *неценз.*, также и *прост.*, *вульг.*, *вульг.-прост.* и *грубо-прост.* (где граница?) и *жарг.*, нередко в комбинации типа *вульг. жарг.*, *неценз. вульг.*, *прост. бранно*, *жарг. бранно* и под. В этом отношении словарь В. М. Мокиенко напоминает вышедший десятью годами ранее большой по объему «Словарь сербского жаргона и родственных жаргону слов и выражений» Драгослава Андрича (Андрић 1976), в который включены и все категории слов, «покрепче» жаргонных (в заглавии словаря они названы «жаргону родственные слова и выражения»). И вот тут встает вопрос: чем вызвано такое расширение? Вероятно, это обусловлено нечеткими границами между указанными категориями слов и слабой теоретической разработанностью вопроса, что, в свою очередь, накладывает свой отпечаток и на терминологическое рассматриваемых групп слов. Эти слова называются *бранные*, *заветные*, *нецензурные*, *матерщина*, «матизмы», *обсценные* («обсценизмы»), *сквернословие* и т.д., а мы предпочитаем использовать термин *срамословие*. При всей шаткости границ между анализируемыми группами слов остается тем не менее не совсем ясно включение в «браничный словарь» таких единиц, как, например, *альфонс* «мужчина, живущий на средства любовницы»: понятно, что личность, обозначаемая словом *альфонс*, аморальна, однако бранно ли само слово? Срав. также: *амурничать* и *амуры*, помеченные как *книжн.* (или *прост.*) *шутл.-ирон.*; *любодей*, *любодейничать*, *любодейство*, *любодействовать*, *любодеяние*, *любодеять*, помеченные как *народн.* или *книжн. неодобр.* (!); без пометы *похоть* «грубо-чувственное половое влечение, сладострастие»; *совокупляться* — *совокупиться*: *книжн.* «совершать с кем-л. половой акт»; *блудить*, *блудница*, *блудник*, охарактеризованные как *книжн. неодобр.* Далее, *безотцовщина*, имеющее 4 значения: «1. О внебрачном ребенке. 2. О сироте, ребенке, не имеющем отца. 3. О детях, растущих без отца. 4. О жизни и воспитании ребенка без отца в семье». И т.д. То есть речь попросту идет о книжных, кодифицированных словах, имеющих «сексуальную» или же какую-то негативную семантику. Они могут выступать в качестве эвфемизмов (например, *совокупляться* вместо *Еться*), но никак не браничных слов. С пометами *эвфемизм* должны быть вполне *книжные* слова типа *анус*, *афедрон* (*афендрон*), *кондом*, *пенис*, *фаллос* (*фаллус*) и некоторые другие. Требуется уточнения статус такого слова, как *вставать* «выпрямляться, становится твердым, возбуждаясь (о половом члене)» (с. 13) и *стоять* «быть в выпрямленном, готовом для полового сношения состоянии (о мужском половом органе)» (с. 100), помеченных соответственно как *вульг.-прост.* и *прост.*, — но существуют ли другие, так сказать, кодифицированные глаголы для выражения этого состояния Хя? Мы таковых не знаем...

Из сказанного становится ясно, что «бранная лексикография», хотя и опирается на уже немалый по объему материал, до сих пор не имеет законченной теоретической системы, что естественно, если иметь в виду табуированность проблемы на протяжении веков. Русская «бранная лексикография» по существу только зарождается, и потому осмысление собранного материала в тесной связи с русской культурой и русской этносоциолингвистической традицией может дать в скором времени ощутимые результаты теоретического и прагматического характера. «Словарь русской бранной лексики» В. М. Мокиенко, прочитываемый «на одном дыхании», в значительной мере заполняет существующую лакуну в области собирания и описания субстандартной лексики русского языка и подстегивает к серьезным теоретическим размышлениям и разработкам. Лексика, иллюстрируемая устойчивыми словесными комплексами (gerp. конструкциями), вскрывает богатый спектр представлений русского человека в рамках т.н. субстандартной культуры, представлений, облеченных в языковую форму. А это еще один шаг на пути познания ментальности русской души.

Литература

- Андрић Д. 1976 — *Двосмерни речник српског жаргона и жаргону сродних речи и израза*, Београд: Београдски издавачко-графички завод, XXII, (6), 475 с.
- Anthropophyteia. Jahrbücher für folkloristische Erhebungen und Forschungen zur Entwicklungsgeschichte der geschlechtlichen Moral*, Bd. 1–10, Leipzig, 1904–1913.
- Ахметова Т. В. 1996 — *Русский мат. Толковый словарь*, Москва: Глагол, 303 с.
- [Баранов А.; Добровольский Д.] Василий Буй 1995 — *Русская заветная идиоматика (Веселый словарь крылатых выражений)*, Москва: «Помовский и партнеры», XXVI, 309 с.
- Borneman E. 1984 — *Sex im Volksmund. Die sexuelle Umgangssprache des deutschen Volkes. Wörterbuch und Thesaurus*, Herrsching: Manfred Pawlak Verlagsgesellschaft mbH (ohne Pagination; auf dem Umschlag: *Sex im Volksmund. Der obszöne Wortschatz der Deutschen*).
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 1. Под ред. О. Н. Трубачева. Москва: Наука, 1974.
- Ходасевич В. Ф. 1924 — Кошунства Пушкина (Из книги «Поэтическое хозяйство Пушкина»): *Современные записки*, Париж, XIX, с. 405–413.
- Kummer W. 1994 — Zur Metaphorik der sexuellen Sprache in Bornemanns (!) Lexikon: *Studien zur Phraseologie und Parömiologie. Sprachbilder zwischen Theorien und Praxis. Akten des Westfälischen Arbeitskreises „Phraseologie/Parömiologie“ (1991/1992)*, Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 163–173.
- Мокиенко В. М. 1994а — Русская бранная лексика как объект лингвострановедения, *IV Международный симпозиум по лингвострановедению. Москва, 31 января – 4 февраля 1994 г. Тезисы докладов*, Москва: МАПРЯЛ, 153–155.
- Мокиенко В. М.: 1994b — Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное: *Russistik*, Berlin, № 1–2, 50–73.
- Мокиенко В. М. 1994с — Субстандартная фразеология русского языка и некоторые проблемы ее лингвистического изучения: *La revue russe*, Paris, № 7, 53–75.
- Мокиенко В. М. 1995 — *Словарь русской бранной лексики (матизмы, общенизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями)*. АА — ЯЯ. Mit einem

- Nachwort «Sprachliche Varietät im Tabu» von Soia A. Koester-Thoma, Berlin: Dieter Lenz Verlag, XXV, 151 S.
- Пушкин А. С. 1985, *Сочинения в трех томах*, т. I, Москва: Художественная литература.
- Русский Эрос или философия любви в России*, Москва: Прогресс, 1991, 444 с.
- Sperber H. 1912 — Über den Einfluß sexueller Momente auf Entstehung und Entwicklung der Sprache: *Imago, Zeitschrift für Anwendung der Psycho-Analyse auf die Geisteswissenschaften*, I Jhrg., Leipzig–Wien, Heft V, Dezember (Separatabdruck, ohne Pagnation).
- Срезневский И.И. 1893 — *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. I–III, Санкт-Петербург, 1893–1903.
- СРЯ — *Словарь русского языка*, т. I–IV. Москва: Русский язык, 1981–1984.
- Толстой Н. И. 1985 — Русск. чур и чушь: *International Journal of Slavic linguistics and poetics*, vol. XXXI–XXXII, 431–437.
- Толстой Н. И. (ред.) 1996 — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. I, Москва.
- Трубачев О. Н. 1978 — Из работы над русским Фасмером. К вопросам теории и практики перевода: *Вопросы языкознания*, Москва, № 6, 15–24.
- Успенский Б. А. 1983–1987 — Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии: *Studia Slavica Hung.* 29 (1983) 33–69; 33 (1987) 37–76.
- Vātsyāyana 1897 — *Das Kāmasūtram des Vātsyāyana. Die indische ars amatoria*. Nebst dem vollständigen Commentare (Jayamangalā) des Yaçōdhara. Aus dem Sanskrit übersetzt und herausgegeben von Richard Schmidt, Leipzig: Verlag von Wilhelm Friedrich, VI, 478, (2) S.